

7-1

ИНТЕРВЬЮ С КУЛЯБКО И.Б.

- Если бы вы нам рассказали, как вы "дошли до жизни такой", я даже не знаю, какой год?

Кулебко - Ну, началось это всё с венгерских событий в 1956 году. И тогда всё только начиналось, я учился на вечернем. Ничего лучшего не придумал, как на своей пишущей машинке начал печатать листовки.

- Вы были студентом?

И.К. - Я был студентом.

- Чего?

- Первого медицинского института. Вот. За этим занятием меня изловил отец и, ознакомившись с содержанием листовок он вполне их одобрил, но сказал, что какой дурак может их печатать на личной пишущей машинке. Ну так, в общем, тогда ничем дело не кончилось. Потом у нас произошло событие в институте. Я его подробностей не знаю. Был у нас такой студент, кто-то что-то просил его перевезти из Москвы в Ленинград, по этому поводу его задержали, было собрание, где его клеймили позором.

- За что-то политическое?

И.К. - Да, разумеется. Его тогда публично исключили из комсомола, исключили из института, ну и здесь была выпущена в его защиту моя первая листовка, распространённая на территории I-го мединститута. А вот не знаю, почему привлек я к этой деятельности нашего студента Помченко Владимира Ивановича. До сих пор не могу понять, почему. Друзьями мы не были и даже никакой симпатии он у меня не вызывал. Но как-то так получилось. После этого мы с ним ещё несколько раз распространяли листовки, как тогда говорилось "с клеветническими измышлениями в адрес советской демократии, руководителей партии и правительства".

- Как вы на этот раз их изготавляли?

И.К. - Фотоспособом. Писались на стекле, потом... это раз. Потом пытались изготовить /гектограф ?/ - не получилось. Были ещё рукописные листовки этих самых... квартира Ждановского района, ныне

Приморского, кидали в почтовые ящики. Содержание их пересказывать нет смысла, сейчас всё это можно прочитать в газетах и т.д. Как раз тогда были выборы в Верховный Совет. Это фарс выборов при участии одного кандидата.

- Это какой год?

И.К. - Это 1957, конец 57, начало 58-го. О роли КПСС в нашей пре-восходной жизни, ну вот, даже это сейчас и не очень интересно. А потом начинается самое интересное. Вы знаете, что я в течение месяца был внештатным сотрудником комитета госбезопасности?

- Как-то это грустно слышать.

И.К. - Это совсем не грустно. Значит, уехал я, это был 1958 год, я уехал тогда на практику после четвёртого курса, потом начинаются занятия в институте и 5 сентября вечером - телефонный звонок. Прямо без преамбулы, без всяких... "Творят из комитета госбезопасности, мы бы хотели с вами побеседовать". "Хорошо" -, говорю я. Мне говорят, чтобы я подошёл через полчаса к дверям. Знаете, это не главный вход, а вот справа, это с Каляева, вот, "мы вас там будем ждать". Хорошо, у меня были какие-то бумажки, бумажки эти я начал срочно уничтожать, проболтался до поздней ночи, потом вернулся домой, дома мне сказали, что мне ещё раз звонили, ну и вроде всё. Утром я собираюсь уйти, это было уже шестое сентября, - звонок в дверь. Входят несколько товарищей из этой организации: "Нам надо с вами проговорить, поедем с нами". Я говорю: "Да, но вот, мне сейчас надо на занятия, в институт". "Ну, ничего, это всё уладится".

- А где ваши домашние были? В каком виде?

И.К. - Вы знаете, в виде они были нормальном. Они оба участники войны. И потом я старался их успокоить, что я не знаю, что такое, бывает... Короче говоря, привозят меня туда, ведут в оперативный отдел. Фамилия начальника оперативного отдела, я его даже в лицо сейчас помню, такой небольшого роста, коренастый, средних лет

мужчина, фамилию я не помню. Начинается разговор такой: как дела в институте, как занятия, как что. И разговор длится очень долго,) там было 3 или 4 человека, задавались перекрёстные вопросы. И вы знаете, что меня до сих пор поражает. Ну, это всё-таки профессиональная организация, и в итоге разговора получилось так, что у них не осталось ни малейших сомнений в плане моей лояльности.

- Вы себя, наверное, (правильно) вели?

И.К. - Мне тогда 21 год только исполнилось. И меня до сих пор это удивляет. Потом разговор пошёл совершенно неожиданный: "К нам поступили о вас некоторые порочащие вас сведения". Изумление, недоумение. Я говорю: "А в чём дело?" - "На вас поступила анонимка". "Какого содержания?" - "Мы её сейчас вам покажем!" И говорят: "Анонимка пришла ещё весной, не будем скрывать, мы наблюдали за вами всё это время". Но поскольку я был, по-моему, в это время увлечён какой-то девушкой, я ничего особо не делал. Ну, никаких, в общем, претензий. "Мы считаем, что эта анонимка была написана с целью отвести подозрения". Ну, во-первых, спрашивали, нет ли у меня врагов. Я говорю, что нет, врагов нету. "Мы считаем, что эта анонимка была написана с целью отвести подозрения". И предъявляют мне эту анонимку. Написана она от руки, содержание её я до сих пор помню: "Студент I-го медиц. ин-та, Кулябко Иван Борисович, член подпольной антисоветской организации, он распространяет листовки против власти".

- Всё?

- И.К. - Всё. И почерк я сразу же узнал.

- Не пугайте.

И.К. - Почек очень характерный, я его сразу же узнал. И опять мне удалось никакого вида не подать. Вот: "У нас к вам просьба. Мы предполагаем, что автором анонимки является кто-то из ваших студентов, который вас не любит. Не могли ли вы нам помочь в поисках автора анонимки?" Я говорю: "С удовольствием." И подпи-

сыаюсь соответствующе, что я такой-то, такой-то, добровольно обязуюсь помочь комитету госбезопасности в розысках автора написанной на меня анонимки. Дальше начинается совершенно детективная история. Меня отпустили. Но продолжалось это очень долго. Значит, меня увезли где-то в районе половины девятого, а вернулся я домой часа в четыре. На следующий день я подхожу к этому человеку и говорю: "Зачем ты это сделал?" Пока я его фамилии называть не буду. "Я этого не делал, и т.д. и т. п." Я говорю: "Немедленно, таким же почерком пиши сейчас опровержение, что мы были влюблены, так сказать в одну и ту же девушку, что теперь ты раскаиваешься. — "Я этого не писал". Ладно, чёрт с тобой. После этого в течение месяца, ровно месяц это продолжалось, я периодически встречался с агентом госбезопасности, встречи были в номере гостиницы "Октябрьская", в каком-то магазине, на площади Ленина, в общем, Три или четыре раза и я ему передавал заранее подготовленные рапорты, что за истекший период ничего существенного не произошло. И так продолжалось до 6 октября. 6 октября я прихожу домой из института рано, где-то часа в два. Сажусь. Звонок. Я выхожу, открываю дверь. Тот самый товарищ, с которым мы встречаемся. Он говорит: "Возникли некоторые срочные обстоятельства, нужно пойти." Ну хорошо, сейчас. Я посмотрел на часы, было без двадцати три. Очень хорошо, спускаемся вниз, там стоят две машины, победа и ЗИМ. Меня сажают в ЗИМ, там ещё целая куча народа, мы едем. Ехать очень недалеко, я жил тогда на лесном проспекте, значит через Литейный мост. "Как дела в институте?" В институте всё хорошо, сидит начальник /архивного ?/ дела, он со мной беседует. Ничего, всё в порядке, всё нормально. Проводит меня туда, если не ошибаюсь, на второй этаж. И фраза: "Давайте его прямо к Рогову". Ну, кто такой Рогов я тогда ещё не знал, потом узнал, что это начальник следственного отдела. Ну, к Рогову меня ведут, я ещё так в общем совершенно споко-

ен, там такие решётчатые двери, потом когда первый раз трах-трах, дверь открывается металлическая, решётчатая, захлопывается. Вы извините, я так подробно.

- Нет, это очень интересно всё.

И.К. - И проводит меня в кабинет. Номер кабинета я уже не помню. Сидит молодой человек в форме лейтенанта или старшего лейтенанта с очень интеллигентным лицом, в очках, представляется Кривошеин Валерий Александрович. "Ну вот, а теперь расскажите нам свои идеи."

Я начинаю рассказывать, что вот, 5 сентября был у меня /допрос??/

- "Нет, нет, говорит, это совершенно не интересно. И кстати говоря, что любопытно, что настолько они с этим делом сели в калошу и месяц сидели. Мальчишка, сопляк, водил их за нос. Каждый раз, когда я об этом периоде вспоминал, меня там очень резко обрыва-ли.

- Им самим было неудобно?

- Да, знаете, неудобно. Я говорю: "Так вот, собственно говоря, всё". - "Дак нет, то, что было раньше". Что было раньше? Побеседовали на эту тему. "Ну хорошо, я вас проведу в соседнюю комнату, вы там посидите. Проводит в комнату, сижу десять минут, пятнадцать, двадцать минут, всё, это мне надоело, выхожу в коридор и вижу такую картину: Ведут по коридору Владимира Ивановича Помченко. Руки сзади, ботинки без шнурков, вид хреновый. Сзади надзи-ратель. Говорю: "Вадим, а ты чего тут?" - "Зайдите в комнату!" Через несколько минут меня вызывают: "Что же вы бродите". Я гово-рю: "простите пожалуйста, а почему же я не могу, я вот в туалет". Ну, ещё раз расскажите о том, что вы делали. Я говорю, что всё. Тогда такая фраза следует: "Ну что же, Вадим Иванович, тогда рас-скажите нам о том, о чём вы уже рассказывали. А это Помченко.

- То есть, они перепутали.

И.К. - Нет, я неясно рассказал. Я говорю, что я не знаю, тогда они обращаются к Помченко и говорят: "Ну что ж, Вадим Иванович,

а теперь расскажите нам то, что вы нам уже рассказывали. Вадим Иванович начинает рассказывать.

- Всё как было?

И.К. - Честно, как было. Подробнейшим образом. Рассказывает он довольно долго... Был ещё такой довольно смешной эпизод - мы мальчишки всё-таки были. Он рассказывает, а я ему из-под стола показываю кулак. "А он мне, /неразб/, говорит, кулак показывает." Дальше его уводят, там ещё три или четыре человека: "Нет, нет, нет, да, но вот видите, всё уже известно, всё рассказало". На чём меня собственно... на двух моментах: на юридической неграмотности,

- Чьей?

И.К. - Мой. То есть мне было сказано, что сопротивляться бесполезно, в общем, показания, которые только что при вас были даны, являются полным основанием для возбуждения уголовного дела. Дёргаться бесполезно, и есть свидетель. Я не знал древнего юридического правила, что один свидетель - не свидетель. Но был там ещё один момент. Среди листовок была одна, которая не была размножена. Была у нас такая студентка, ^{Лурье Алла Евгеньевна}, ^{Фамития - неразб.}, и я предложил ей помочь размножить эту листовку. Она отказалась. Я имел неосторожность сказать об этом Помченко. Поэтому её фамилия в дальнейшем фигурировала в его делах. Она подтвердила, что да, было такое... Но я к ней никаких решительно... Она меня потом очень сильно выручила. Потому что я уже не помню конечно текста листовки, она не сохранилась, мне удалось тогда, когда мне позвонили вечером, когда я все бумажки значит ^{сжечь} это, и её в том числе. Вот, ну там, значит, целый ряд моментов был, она была довольно длинная, а в конце была такая фраза, что если и так далее... то нашим лозунгом должен стать: "К оружию!"

- "К оружию!" Её не размножили?

И.К. - Она не была размножена. А насколько я помню, впоследствии это было сформулировано в приговоре таким образом, что возникал

вопрос о призывае к вооружённому восстанию, а дальше такая фраза. Это я перескакиваю сильно вперёд. Там было очень интересно. Вы же понимаете, какое значение тогда имели адвокаты. И вот в качестве свидетельницы вызывают Лурье. "Вам Иван Борисович приносил листовку?" - "Да, приносил." - "Скажите пожалуйста, а там содержались слова о призывае к вооружённому восстанию?" Она сказала: "Я не помню". И тогда на неё настал адвокат: было или не было? - "Не помню". Тогда он обращается к суду и говорит: "Ну, что ж", - говорит, - "думаю, что если бы каждому из нас принесли такую бумагу и там была бы такая фраза, то не запомнить эту фразу было бы невозможно".

- Почему, могла бы и забыться.

И.К. - Адвокат прекрасно вывел. Если не помнит, значит, не было. Такая фраза яркая. Забыть можно было остальное. Но это... И дальше это было сформулировано таким образом в приговоре, что вопрос остаётся открытым, что указанная листовка не сохранилась, а в показаниях свидетельницы Лурье это указание подтверждения не нашло. Это был очень серьёзный вопрос.

- Да, конечно.

И.К. - А теперь, возвращаясь к тому, первому вечеру, он очень долго длился. Меня около трёх привезли и беседовали со мной до десяти. Я отбивался как мог и в этот день всё тем и закончилось. Он говорит: "Ну вот, совершенно неопровергимые улики, только что всё было подробно рассказало и вы ещё что-то. Ну, нам, вообще-то ваши показания не нужны, потому что всё и так выяснилось. Я тогда говорю, вспомнил даже /Шейнина?/,помните рассказ, когда двое на острове одного убили ударом ножа в глаз, а потом оказалось, что второй не виноват. Бывают такие вещи, вроде бы всё и /нे разб./ Ну, в общем, на второй день меня всё таки сломали. Тут пошло в ход всё, в первую очередь чистосердечное признание и в общем я

подтвердил. Я говорю: да, ну что. Ну а дальше всё пошло разматываться естественным порядком. Вот четыре месяца я там пробыл, октябрь, ноябрь, декабрь, январь. В декабре был суд. Вот ещё один очень интересный момент. Это к вопросу о судах . Я спросил следователя, что тюремное заседание будет закрытым или открытым. Он говорит: "у нас закрытые тюремные заседания". Ну, думаю, хорошо. Ну, конечно, судебное заседание было полностью закрытым. Был состав суда: два адвоката, конвой и прокурор. И свидетели, которые держались в коридоре, а потом, когда они приходили, давали свидетельские показания, то их оставляли в зале. Три или четыре: Базен, Вайнштейн, Лурье. По-моему, всё.

- Это декабрь 1958?

И.К. - Это декабрь 58-го, 16-17 декабря. Нас судили, кстати говоря с Мишой Молостзовым в один день, только их тогда судили уже во втором разу, я до этого сидел с Лёшой Гараниным, потом... вот, с Лёшой Гараниным я сидел, потом я со всеми ними познакомился уже в здании суда, потому что на перерыв нас отводили, там внизу в подвале такие есть клетки, и вот там мы вместе сидели. Там я с Мишой, познакомился, потом я с Женей Козловым уже после суда сидел, потом перед отправкой с Мишой Молостзовым. Ну, значит, и мне и /Помченко/ дали шесть лет и три года поражения в правах.

- За что, он же так хорошо себя вёл?

И.К. - Да, но доносчику на Руси первый кнут. Но тут интересно. Был такой адвокат, большой друг моего отца, Лев Моисеевич Мандельштам, он умер уже, и он узнал, кто нас будет судить. Судила нас Исакова, о безвременной кончине которой вот недавно сообщили в газетах. И он к ней пришёл и сказал, что "ничего сказать не могу, кроме того, что завтра вы будете судить сына моего большого друга". Никакой не последовало реакции, но он потом сказал, что она звонила в комитет госбезопасности, ещё до суда, это, по видимому, была рас-

пространённая практика и спрашивала, сколько надо. Ей сказали так: "Ну, лет 5". Дали шесть и три года поражения в правах. Она даже святое паны римского, правда? Потом кассационная жалоба оставлена без последствий, за исключением последующего поражения в правах, потому что тогда, это я потом уже узнал, должен был меняться кодекс и всё равно поражения в правах должны были отпасть. Ну, поэтому они сделали гуманный жест. Вот, ещё мы так посидели, а потом мы с Молостовым, запихали нас в вагон и повезли на Воркуту. Ну, мы не знали, естественно, куда. Тут ещё один момент. Мы плохо себя вели в тюрьме. Безобразничали, жаловались на питание. Ну, в общем, не пользовались уважением администрации. Я думаю, из-за этого нас посадили в одно купе с уголовниками, что всеми инструкциями было категорически запрещено. 58-я статья должна была ехать совершенно отдельно. А нас запихали, насколько я помню, 16 человек. 14 воров и нас двое. Я даже помню там был один такой слепой Пахан, потом был Могила, потом был Митька Цыган... Вы знаете, как-то так, всё обошлось благополучно. Странно. Правда, без вещей мы остались. Но всё это было без... Психологический подход был.

- У кого, у них к вам, или у вас к ним?

- И.К. - У них к нам. "Вот мы какие бедные, несчастные, едем, и вот, одна рубашка!" Я отдаю брюки, Михаил отдаёт там, по-моему, свитер, что-то ещё такое, тут же у конвоя это всё меняется на водку и правда нам тоже предложили выпить. То есть обчистить нас обчистили, но, в общем, никакого мордобоя. Мало того, вечером нам читали стихи из лагерного фольклора, потом утром их выгрузили. Правда, был один смешной момент, я его запомнил. Мы спим на верхних, на самых верхних нарах. Поезд останавливается, кто-то из воров толкает Мишу и говорит: "Слушай, вот, нас выгружают, давай, шапками махнёмся. Тот спросонья ничего не понимает и отда-

ёт свою меховую шапку, а тот ему отдаёт, знаете, такой ватный) стёганый /неразб./ такой и говорит: "Дай ещё шарф в придачу". Но тут он уже достаточно проснулся и говорит: "Нет, шарф я не дам", а потом он щеголял в этом /домике³/ очень долго. Ну а потом отвезли на Воркуту, ... пересылка, 22 человека в камере, холодная баня такая, пришёл начальник пересылки в шинели и ушанке, прошёлся туда-сюда и сказал: "Ничего подобного, баня прекрасная и очень тепло".

- А как это холодная, что и вода холодная?

И.К. - Вот насчёт... по-моему, какая-то тёпленькая вода была, но было жутко холодно и я залез в сушилку, где сушат одежду. А у неё железный пол, а под ним огонь. Я поставил шайку вверх дном, ~~за~~ залез туда и там было уже сравнительно ничего, Миша был настолько /неразб./, вбежал туда и тут же выбежал обратно, я помню момент. Вот. А потом лагерь /170-5-14-I ??/, огромная зона, 800 человек, рассчитана тысяч на десять.

- Это же Воркута?

- И.К. - Это Воркута. Ну а дальше всё обычно. Делать там нечего. Я потом работал в столярной мастерской, а потом, когда, может вы помните, нет, конечно, не помните, но знаете. Никита Сергеевич выступил тогда с громовым заявлением по поводу того, что в Советском Союзе нет ни одного политического заключённого. Был такой момент. И нас тут же немедленно перекрестили в государственные.

- Ах, государственные!

- Да, мы стали называться государственные. Там видимо плохо были знакомы с историей и забыли, что термин-то старый, ещё декабристов называли государственными преступниками. Но как-то надо было тогда выворачиваться. Он заявил, что политических нет. Ну, политических нет, ладно. И вот тогда Молостцов и я отдельно написа-

ли письма Хрущёву. Я помню, что заканчивалось моё письмо такими словами, что или Вы, глава советского правительства, не в курсе дела, или, во что мне не хочется верить, в этом вопросе серьёзно уклонились от истины. Значит, дали месячный срок и обещали через месяц объявить голодовку. Проходит месяц, конечно, никакого ответа, мы объявляем голодовку, нас куда-то увезли, и на третий или четвёртый день нас вызывают и предъявляют ответ. Ответ я очень хорошо помню буквально: "Заблуждаются. Разъяснить. Дудоров" Дудоров был тогда министром внутренних дел. Это было лето, значит, 59-го. Мы поняли, что всё бесполезно, ответ получен, сняли голодовку, нас отвезли обратно, а 8 июля погрузили в вагоны и увезли в Мордовию. Так что период пребывания на Воркуте с начала февраля до начала июля, 1959 года. Ну а дальше уже путешествие по лагерям Мордовии: седьмой, седьмой первый, третий третий, одиннадцатый и опять третий, и опять третий третий и оттуда уже по концу срока я освободился. Это было 6 октября 1964 года.

- Что за публика была в Воркуте?

И.К. - В Воркуте публика была интересная. Вадим Козырев по прозвищу Огурец, который сейчас здесь - вон он! А я смотрю! /смеётся/ Говорят, будущий зампред Ленгорисполкома; Молостзов Михаил Михайлович, представлять не надо, конечно, ну ещё несколько человек там было по 58-й статье. Вадим, у тебя какая была статья? Десять-одиннадцать, да? У кого-то у нас была, у Лёвина, да? Вот, Лёвин Юра.

- У него была "одна"?

И.К. - Да, вы же понимаете, это была измена. Это были порядочные ребята. А остальные были полицаи, ну в общем сотрудничающие. Их было огромное большинство. Много украинцев было, прибалтов. Но то были люди этого периода, не освобождённые в 56-ом году. Когда мы приехали, то потрясли всех своими сроками. У Миши семья, у меня

шесть, там они вообще не знали сроков меньше двадцати пяти. Потом правда был ещё один момент, но вы о нём, наверное, знаете, когда ввели новый уголовный кодекс, то максимальный срок был снижен до пятнадцати лет. На нас это не распространялось, закон обратной силы в отношении нас не имел, у всех сколько было, столько осталось. А вот этим товарищам всем были срока сокращены до 15 лет. Началось массовое освобождение. Потому что они уже сидели по 17, по 18 лет. Это был год, наверное, шестидесятый, ну вот и считайте. Они сидели кто с 45-го, кто раньше и очень быстро их начали освобождать. На нас это психологически не очень хорошо подействовало. Кому-то да, кому-то нет, в общем, вполне понятно.

- До шестьдесят четвёртого ещё, значит, полностью?

И.К. - Значит, был такой ещё момент. В шестьдесят втором году вдруг начали освобождать наших. Причём освобождали как: приглашал представитель комитета госбезопасности, просто предлагал написать Прошу о помиловании ?/

- А что за это надо было сделать?

И.К. - Ничего, представьте себе. Дальше я просто не знаю, потому что когда меня пригласили. Пригласил меня такой капитан Куроедов. (Был такой представитель министра, Куроедов. Вот я вот думал, не он ли.) Но никаких не было предложений о сотрудничестве, пока, во всяком случае. Просто он сказал, что можно освободиться, для этого нужно только написать просьбу о помиловании и в течение двух-трёх месяцев я вам гарантирую освобождение. Но мне чего-то вожжа под хвост попала, я категорически отказался, поэтому на эту тему больше не говорили.

- Всем она попала? никто не написал из ваших?

И.К. - Помченко написал. Он освободился на два года раньше. У него потом была очень тяжёлая судьба. Он сейчас здесь, вот он сегодня ко мне подходит. У меня к нему соответствующее отношение... Но

вы его видели? Если вы его увидите, вы поймёте, что это за тип. Это человек абсолютно раздавленный жизнью. Я не знаю подробностей, но он благополучно приезжает, в 62-ом году освободился, тут же его восстановили в институте, он закончил институт, уехал куда-то, по-моему, на Дальний Восток и где-то в течение года что-то там натворил, я не знаю, его лишили диплома, он был грузчиком, на заводе "Красный треугольник" там, что-то такое, производит ощущение либо глубокого алкоголика, либо человека ненормального.

- А вы доучились? Всё нормально?

И.К. - Я доучился. Это была вообще-то замечательная история. Если у вас ещё есть немножко времени. Потому что это, пожалуй, более интересно, чем всё предшествующее. Всё предшествующее банально, а вот дальше, дальше это просто судьба. Я всё время натыкался на хороших людей. Представьте себе, мне определили место проживания Бологое. В Бологое я не поехал, я поехал в Приозерск. Главным врачом центральной районной больницы был Вольберг Семён Моисеевич. Человек, в своё время несколько пострадавший, очень талантливый терапевт, очень талантливый. Где-то в 46-ом году, когда было гонение на евреев с ним случилась такая неприятная история. Он молодой врач и душа у него хорошая и когда родственники там какой-то старушки спросили его, это он мне сам рассказывал, спросили его о её возможной судьбе, он говорит: "Ну что вы, ну конечно, всё будет в порядке". После этого на следующий день или через день она умирает. Это было вполне естественно. Немедленно пишется бумага, что он в присутствии таких-то и таких-то говорил, что она наверняка останется жива, а через два дня она умирает, значит, наверняка её отравили. Ну, это было современно вполне. И его выгоняют. А он был в аспирантуре, его выгоняют из аспирантуры и его направляют в Приозерск главным врачом разгромленной тогда районной больницы. И вот с 1946 года он был там главным врачом. Он умер потом в семидесятых годах. Я ему рассказываю мою историю,

он ~~наменя~~ немедленно берёт на работу и помогает с пропиской.

- Прописка приозерская?

И.К. - Приозерская. И я у него проработал до 1967 года. А когда меня арестовали, то мой отец пошёл к ректору института, был такой, Алексей Иванович Иванов, генерал-майор, естественно, член партии, страшный солдафон. Он долго орал, что я опозорил институт, после чего сказал: "Вернётся - пусть приходит". Он меня имел право восстановить в институте максимум через четыре года. Прошло шесть. И даже больше. Я пошёл к нему, напомнил ему о том разговоре с моим отцом, он долго орал, что я опозорил институт и пригласил подать документы. Короче говоря, в феврале 1965 года меня восстанавливают. Но взяли с пятого курса, а восстанавливают на второй семестр четвёртого курса и дают мне временную студенческую прописку, уже в Ленинграде. А через три месяца Алексей Иванович скоропостижно умирает. В январе я у него был, в феврале он меня восстанавливает, а в апреле он умирает. И становится ректором некто Меняев. Он человек, к которому я бы никогда в жизни близко не подошёл. Вот. Я заканчиваю институт, продолжаю работать в Приозерске, заканчиваю в 1967 году институт и меня отправляют... представьте себе, куда? - Опять в Мордовию. Но уже несколько в другом качестве. Сначала в Саранск, потом /неразб./ так я проработал четыре года. В это время я написал диссертацию и тут мне попадается третий хороший человек, я их всех помню и буду помнить до конца жизни. Проректор ленинградского санитарно-гигиенического института Головин Дмитрий Иванович, заведующий кафедрой ... анатомии. Откуда он обо мне узнал? Он когда-то у моей матери был в аспирантуре. Я приезжаю в Ленинград в 1971 году, у меня тут родители, жилплощадь, но мне, естественно, тут же отказывают в прописке. Дмитрий Иванович говорит: "Здравствуйте, Иван Борисович". Он писал ходатайства трижды в большой дом. Один раз

написал - отказ, второй раз написал - отказ, третий раз он написал так, что если меня вообще не возьмут на работу в санитарно-гигиенический институт, то дело кончено, института больше не будет, буквально. И, представьте себе, меня прописывают. Сначала временно, потом постоянно. Я работал у него ассистентом на кафедре, в 1974 году защитил диссертацию. И был ещё один замечательный случай. Как-то утром я прихожу на работу, а он выходит из кабинета: "Иван Борисович, пойдём, только не сюда". Проводит меня не в кабинет, а в комнату, которая ремонтировалась, там какие-то звёзды, что-то такое. Долго ходит он по комнате, туда-сюда, я не понимаю, в чём дело. "Вот что, Иван Борисович, я прошу", - повторяю, проректор, член профкома института, - "вчера, я хочу вас предупредить, что вчера мне было предложено организовать за вами негласное наблюдение". После этого он страшно испугался и сказал: "А теперь вы можете меня предать, если хотите". Я раскланялся. Вы же понимаете, что в тот период означала для него эта фраза, для заведующего кафедрой, проректора института и члена парткома. Я начал рассказывать об этом направо и налево с 1981 года, когда он умер. Нужно мужество. Для того, чтобы такое сказать, ну вы представляете. А дальше развалилась патолого-анатомическая служба в военно-медицинской академии. Большой друг отца, главный патолог-анатом советской армии /Аплатенко ?/ приехал сюда с проверкой. Это был конец 1973 года. Приехал сюда с проверкой, потом пришёл почему-то к нам в гости и говорит, что вот, кошмарные результаты, всё развалилось, надо всё заново.....

СТОРОНА 2

И.К.-Короче говоря, вопрос решается очень долго и я становлюсь заведующим патолого-анатомическим отделением военно-медицинской академии, где я работаю двенадцать лет. А оттуда меня забирают в КПЗ. Но это уже другой вопрос. Короче говоря там получилось таким образом, что я, немножечко, сам того не желая, встал на

дороге у могильной машины. И мне подстроили... Но было сделано всё с огромным расчётом на успех, очень грубо, было заведено уголовное дело о взяточничестве. Подсунули деньги, но были какие-то нарушения концептуальных норм, поэтому примерно через месяц... значит, через три дня меня всё-таки выпустили, три дня я всё-таки просидел, в КПЗ при прокуратуре Ленинского района. А потом это дело забрала военная прокуратура и было вплоть до того, что старший уполномоченный, который меня забирал, был разжалован... что-то хорошее было предоставлено, в пикете гостиницы "Прибалтийская". Это было ужасно. Приехали, перерыли всё квартиру, мои родители ничего не понимают, позабирали матушкины побрякушки, потом всё вернули. Протянулось это дело где-то с полгода. Кончилось ничем, но я ушёл с работы. Потом поболтался в Куйбышевской больнице, потом пригласили на заведование в больницу Карла Маркса, в 4-ую больницу, а в 1988 году пришёл ко мне некто Борис Ильич Глуховец и предложил организовать независимую патолого-анатомическую службу в городе.

- Ну и как, есть она?

И.К. - Да, функционирует с марта 1989.

/ Долгая беседа о состоянии медицины в нашем городе/.

- Значит, вы сейчас этим руководите, да?

И.К. - Нет, я не руководжу.

- Совет какой-нибудь?

И.К. - Нет, у нас есть начальник городского патолого-анатомического бюро, Глуховец Борис Ильич. Мы с ним вместе это бюро, вдвоём, по сути дела начинали и при остервенелом сопротивлении со стороны главных врачей./Вы понимаете, что такое вынуть из кармана контролирующую сторону, да ещё и Финансы./ Тем не менее создали северный зональный отдел, третья, четвёртая, двенадцатая больницы, Калининский и Выборгский р-ны, я был заведующим этим

северным зональным отделом, а сейчас я организую Невско-Красногвардейско-Смольнинский отдел.

- Я хотела спросить, пока не забыла, Вы про судью Исакову всё рассказали, вы говорили, ещё какой-то случай... Случай - это только то, что она пять лет на шесть переделала?

И.К. - Нет, ну был ещё один. Я вам говорил, что я искал в последнее время, я хотел найти и прокурора и судью, и следователей, и, думаю, договорюсь-ка я с Курковой, встретимся в "Пятом колесе" и побеседуем. Правда, интересно?

- Очень! Чем они заняты, как поживают, да?

И.К. - Как поживают, что они думают о тех временах, о своих действиях в тот период, напомнить кое-что. Это было бы, по-моему, просто очень интересно. Насколько я знаю, прокурор тот умер.

- Как его фамилия?

И.К. - Ронжин.

- Ронжин? - не слышала.

И.К. - Дозвонился я до Исаковой. Она уже была зампред Ленгорсуда. Я с ней поговорил, очень так, говорю, давайте не будем вспоминать обиды, но может быть, сейчас действительно было бы интересно встретиться.

- И что вы получили?

И.К. - Истерика. Реакция была совершенно истерическая: "Оставьте меня в покое, я вас не знаю, я вас не помню". А через неделю я открываю газету и читаю там, что после кратковременной тяжёлой болезни скончалась Нина... забыл отчество. Так что она тоже вышла из игры. Нашёл я и следователя. Я ему звонил несколько раз, категорически, ... Причём, он очень интересно:

"-Валерий Александрович Кривошеин?

-Да, я.

-Я не хочу, чтобы произошла какая-нибудь ошибка. В 1958 году вы работали следователем безбезопасности?".

Ну, что бы ответил нормальный человек? - "Да нет, вы знаете, вы меня, наверное, с кем-то перепутали." А у него немедленно начинается истерика: "А кто вы такой? А почему вы задаёте мне такие вопросы? Почему я вам должен отвечать?" Я говорю: "Благодарю Вас, всё ясно." Я ему представился, говорю: "Вы меня помните?" - "Нет, не помню!" - Тем более, видите, как хорошо! Значит, это вы и есть!"

"- Я не буду с вами разговаривать, встречаться, категорически, какие встречи, какое телевидение. Я не имею к этому никакого отношения. И вообще не знаю, о чём разговор." И так далее. Я ещё пару раз попробовал ему позвонить.

- А чем он занимается?

И.К. - Я не знаю. Вот я скажу... повидимому, военный пенсионер, как я понимаю, потому что ему тогда было 27 лет, а это было 32 года назад. Вот, считайте. На пенсию выходят в армии в 50-55. Но он вполне молодой.

- Судя по голосу?

- Да, судя по голосу. Вот и всё. Так что встреча не состоялась. А интересно было бы, конечно, встретиться, пообщаться.

- А ещё очень интересно, что у вас была за семья и почему вам пришло в голову оценивать венгерские события? Не по газетам? Меня это даже саму интересует, потому что я всегда была полной комформисткой, пока не наступила перестройка.

И.К. - Могу сказать. Отец, Кулябко Борис Владимирович, умер в 1985 году. Он, пожалуй, был первым, кто подвигнул меня на размышления. И я прекрасно помню этот момент. Момент вот какой: сидим мы за столом, обедаем, мне лет 15-16, это было незадолго до смерти Сталина, но никаких сомнений в гениальности вождя у меня не было, абсолютно. Я просто об этом не думал. Говорят, гениальный, значит, гениальный. И вот я что-то такое начинаю

говорить, отец это слушает с довольно грустной физиономией, а потом, по-видимому, просто не выдержал, сказал /неразб./ - подрастёшь, поймёшь. И больше ничего. Второй раз у него сорвалось. Я учил что-то такое, историю, или что-то такое насчёт железного Феликса и вдруг у него вырывается: "Тоже зверь был хороший!" Как-то это, знаете... Ну а дальше, а дальше смерть Сталина, к которой я отнёсся как-то никак просто. А что меня повело к размышлениям - это хрущёвский доклад на XX съезде. Тут буквально всё полетело вверх тормашками.

- Так, а вы текст откуда слышали? От отца?

И.К. - Да почему от отца! Отец у меня был беспартийный всю жизнь, хотя он был профессором, в те времена это было возможно.

- Он медик тоже, да?

И.К. - Патологоанатом. А мама доцентом была в І медиц. ин-те и тоже патологоанатом. И тут буквально "всё смешалось в доме Облонских" и я начал думать.

- А откуда же вы всё-таки взяли текст?

И.К. - Откуда полный текст? Да всё очень просто. Нам его читали на комсомольском собрании в институте.

- Комсомольцам тоже полагалось?

И.К. - В седьмой аудитории, как сейчас помню.

- Что у вас там делалось в этой аудитории? Там в обморок не падали?

И.К. - Представьте, нет. И что самое интересное, что у большинства присутствующих особого волнения это не вызвало. Как-то вот так.

- Может, обалдели?

И.К. - Может, обалдели. Не знаю, не знаю, но, во всяком случае, политические организации не стали расти как грибы. У меня своё отношение ко всей этой хрущёвской компании. Может, я не прав. Но

я это расцениваю как одну из самых грандиозных политических спекуляций.

- Если он народ повыпускал, то чего же ещё желать.

И.К. - Это с одной стороны. А с другой стороны скажите пожалуйста, как иначе можно было завоевать политическое реноме после Сталина? А ведь тех, кого он выпускал, он же и сажал. Он же прекрасно знал, что это люди, которых можно выпустить абсолютно спокойно. Это никакие ~~не~~ враги, можно совершенно спокойно выпустить. Они будут дико благодарны и по сути дела им действительно всё равно, из каких соображений их выпустили, но их выпустили. Никита Сергеич - государь-освободитель. Возможен такой вариант?

- Кстати, я никогда не забываю, что государя-освободителя, а именно Александра II всё-таки убили...

И.К. - Убили, а этого просто выгнали. Ну это уже опять же другой вопрос. Во всяком случае мне тогда это сразу пришло в голову.

- Когда, прямо во время доклада?

И.К. - Тогда или чуть-чуть попозже.

- Ну, и Венгрию, вы когда услышали, то уже,,,

И.К. - Да, я уже критически осмыслил. Как вторжение, ну и так далее. Вот так вот. А вот что в моём деле непонятно. Это анонимка. Помченко до сих пор клянётся, что он её не писал. Но почерк-то я узнал. Ну вот, буквально, мы с ним не так давно разговаривали, встретились на предвыборном собрании у Михаила Михайловича Молостова. Он меня не узнал, я его узнал. Но много лет прошло. Потом мы с ним ещё поговорили. До сих пор клянётся... Но я не мог ошибиться. И потом больше никто особо не знал. Зачем это было нужно, я не могу понять. Просто не могу. Может быть, на всякий случай? Знаете этот анекдот, да? Сидят двое в камере, один другому говорит: "Тебя за что?" Ну там за что-то. "А тебя?" - "А меня за лень." - "У нас за лень не сажают". - "Да нет, вот за лень посадили. Мы выпивали там,

поговорили, просыпаюсь, думаю сбегать, стукнуть друга, но чего-то лень стало. А он не поленился." Может быть он испугался, решил опередить события. Но это было неостроумно. Четвёртый десяток лет это для меня психологическая загадка. Потом ведь ещё один момент был любопытнейший. Ведь арестовали его не в связи в нашим делом.

- А в связи с чем?

И.К. - Он был на практике в Никалёво и вёл там, как говорилось, антисоветские разговоры. А там был... ага, вот, там свидетели Бажин, Вайнштейн - профсоюзные наши деятели, Мотус - комсомольский деятель. И вот Алла Лурье, о которой я рассказывал. И вот эти самые товарищи его там заложили. По вопросу антисоветских разговоров на практике в городе Никалёво он был арестован. И это второй психологический момент, который я не могу тоже понять. Никто его за язык не тянул в отношении Кулябко Ивана Борисовича и всех прочих. Они не видели связи. Так ведь анонимка была до его ареста. До, где-то в мае. Как они мне сказали, они меня пригласили в сентябре, а анонимка пришла где-то месяца за три до этого. Вот считаете - август, июль - ну, где-то в мае.

- В общем, всё ваше недоумение вокруг одного и того же лица.

И.К. - Да, я этого не могу понять. Его никто не спрашивал ни обо мне, ни очём. Они никакой связи здесь не предполагали.

- Вы сейчас с ним на эти темы не разговариваете?

И.К. - Пробовал, тогда вот, когда мы встретились - пробовал. Ну, ладно, говорю я, уже времени сколько прошло, ну, объясни ты мне. "Я анонимки никакой не писал". Ну хорошо, а зачем ты обо мне-то говорил? И он как-то странно ответил: "Ну вот, выложил". Я говорю: "Ну, что же ты себя вёл как дурак, ты бы просто откrestился от всего и всё." Я-то был уверен, что ты тут же откажешься и тебя выпустят". Ну, вот так. По-моему, тут что-то шизоидное есть, я не знаю. А зачем ему было упоминать Лурье? Которая вообще была,

собственно, не при чём. Ну, я к ней обратился, она мне отказалася, я ему об этом рассказал.

- Может быть, это просто такая нервная организация, не шибко сильная.

И.К. - Прислал мне письмо не так давно, большое-большое, где пишет, что вот, после всего, ты конечно можешь чувствовать себя героем. Хотя никаким героем я себя, откровенно говоря, не чувствую. В общем, прямо говоря, я после этого политической деятельностью не занимался, занимался профессиональной. Признавался мне (письмо у меня сохранилось) в каких-то кражах сена на целине, ещё в уголовных делах, врёт, аль правда?

- Нет, ну это неустойчивый просто человек.

И.К. - Да, даже если вы сейчас с ним будете разговаривать. Подождите, а ведь вы знаете, что, мне ведь сейчас сказал Михаил Михайлович Молостов, что он на учёте в психдиспансере сейчас состоит. Это он мне сказал и вид у него действительно такой. Глубокого алкоголика или ... Когда мы ещё уходили с суда я ему сказал: "Будь проклят" и вот тут, во время последней встречи он мне сказал такую фразу: "Ты знаешь, твоё проклятие сработало". У него жуткий, жалкий вид. Я не хочу сейчас предъявлять ему никаких счетов.

- А вы вышли из лагеря в каком виде? У вас ещё желание жить вообще не исчезло?

И.К. - Нет, наоборот, там был очень хороший народ, там были очень славные люди.

- А с Каплановым вы там не встречались? У него ещё пилой три пальца на руке отпилено.

И.К. - Геолог?

- Да. Он здесь тоже в шляпочке такой ходит, армянин он по национальности.

И.К. - Геолог?

- Геолог, да. Мелиоратор.

И.К. - И не три, а четыре.

- Нет, у него один сохранился, только он такой, изогнутый.

И.К. - Ах, один сохранился, да?

- Помните, да?

И.К. - Ещё бы я не помнил. Я же ему эту руку перевязывал.

- Да что вы! Ну, вот видите, как всё смыкается. Я с ним в самый первый день беседовала.

И.К. - Его не Лёня зовут?

- Лев, Лёвушка, Лев Михайлович.

- Лёва, Лёва... любитель Бетховена.

- Бетховена, да?

И.К. - И ему оставалось до освобождения, по-моему, месяца три.

Я работал тогда в медсанчасти влагпункте семь-семь-один. Толя был
ещё такой там у меня. Забыл его фамилию. Чудный мужик. Из Киева.
Он освободился, у него был небольшой срок. Мы с ним выпускали там
в одном экземпляре, ну так, рукописный журнал, стихотворный, "Ран-
нее слабоумие" со стихами и рисунками.

- Если бы ещё уцелело что-нибудь!

И.К. - Уцелело.

- Это только Вы с Вашими медицинскими штучками могли такое при-
думать.

И.К. - Сейчас: Я иду сквозь пустые улицы
Прохожу города печальные
Люди, люди, вы мокрые курицы,
Потому что слишком нормальные.
Я весёлый и радостный псих
И ничуть не скорблю об этом,
Потому что мой гордый стих
Прозвучит и зимой и летом.
Снег летит под палящим солнцем,
Я смеюсь, хохочу до боли.

Весел я и стакан мой долит,
Колочу в ресторанный столик.

Это я.

- Это вы в свои столики там стучали, да?

И.К. - И вот тогда вдруг мне значит как-то раз приводят Лёвушку. Я его тогда перевязал, отправил на л/п семью, это было через дорогу, там его уже всерьёз обрабатывали.

- А вы вчера здесь были? Ходили с Молостовым в обнимку? Мне показалось, это вы были.

И.К. - Да-а.

- Ну вот, он там же был, в шляпочке.

И.К. - Но я его не узнал.

- У него такое лицо, я его сразу выбрала, чувствуется, что у него душа - хрусталь.

И.К. - У него да, он такой был, и с тех пор, я уверен, что он не изменился. А здесь знаете как? Окликаешь кого-нибудь, начинается такое... А-а...

- Понятно.

И.К. - В какой шляпочке?

- А вот в такой.

И.К. - Кругленькая? Я обратил внимание.

- Я подумала, что он еврей из Одессы, а он из Ростова.

И.К. - Спасибо большое, я к нему подойду, обязательно к нему подойду. Ну вот и всё. А дальше я занимался профессионально, единственно что на все разные события нашей жизни откликался в поэтической форме. Не стихи, но у меня такая любимая направленность - политическая эпиграмма.

- Изложите какую-нибудь эпиграмму! Ежели не жалко...

И.К. - Нет, не жалко, вот, и все эти годы, у меня в общем-то довольно широкий круг ^{ДРУЗЕЙ} деятельности, вот тут даже недавно собрались из-

давать, потому что они всё собирали и читали и если это можно называть участием в общественной жизни, то я таким образом участвовал. Пожалуйста. Если не очень скучно. Есть такой у меня цикл - "Паноптикум". В общем, всё это называется "Смех сквозь слёзы" (1958 - 1990 год). Эпиграф: "открыт паноптикум печальный"

Александр Блок

I

Сквозь фимиамы благодать,
Сей облик виден еле-еле,
А интересно бы узнать,
Каким он был на самом деле.

Потом поймёте/.

- Да, действительно.

2

Он совершил немало дел,
Причём настолько обстоятельно,
Что треть России Гитлер съел,
А треть он сам, самостоятельно.

3

В азарте яростном и глупом
Сражался он с грузинским трупом,
Но победить его не смог,
В борьбе жестокой изнемог
И в той же оказался яме
ПРЕДАННЫЙ
с своими следными друзьями.

А, одного я забыл, помните: "Он не успел явиться в деле
Его уж слишком быстро съели."
(Помните, был такой, Георгий Максимилианович Маленков).

4

Всё портреты и портреты
Вновь заполнили газеты
Это . . .
Наше древнее Цека.
Среди них с улыбкой светской
Главный маршал и герой,

Император всесоветский
Ромолит Ильич второй

5

Ай, яй, яй, вот это номер,
Этих к стенке, тех - в тюрьму,
А чего так быстро номер -
Совершенно не пойму.

6

В сердце - провод, в ухе - зуммер,
Тяжкий запах, жалкий вид,
Он уже частично умер,
Но ещё руководит.

7

Перестройка еле дышит
Без эффекта для страны,
Очевидно дядю Мишу
Лошадь держит за штаны.

И.К. - Ну, там многое есть. На смерть Суслова есть. Проникновенные строки:

В январе поют метели,
Плачут все в политотделе,
Снова мы осиротели,
Кто укажет нам пути?

Умер наш отец духовный,
Идеолог наш верховный.
Но закончил путь греховный
Ну и мать его /неразб./

Ну, это так. Для себя и для друзей.

= Всё-таки скрывают существование такие способности.

И.К. - Вот и всё, что я вам могу рассказать. Если что-то ещё интересно - спрашивайте.

- Вопросов пока нет, потому что я быстро не схватываю.....

(перерыв в записи)... начало хотя бы лагерных стихов, это же потрясающее.

Скрутила голодные корни
В сердце моё тоска.
Огромная, как эбиорнис
С острова Мадагаскар.
А вместе с тоской какой-то,
По /каким-то/ её следам,
Крадётся жуткое слово,
Вкусное слово "еда".

И дальше я не помню.

И снится (что-то такое), что в тарелке, что море просторно
Бродит средь гречневых скал
Зажаренный эбиорнис
С острова Мадагаскар.
— Потрясающе.

И.К. — Вы знаете, первые три года мы не голодали, потому что посылки были неограниченные. Тогда ещё и здесь было неплохо с продуктами, поэтому мне могли присыпать и консервы там и всё. В общем, вплоть до того, что мы иногда и в столовую не ходили. Посылки приходили без всяких ограничений, всё: и письма, и посылки. Это было три года, где-то с 1961 года положение резко изменилось. Ввели три категории и у нас был лагерь усиленного режима и нам дали, если не ошибаюсь, одно или два письма в месяц, сократили свидания и одна посылка в полгода. Вот здесь вот уже стало кисло. Но правда должен сказать, что меня вот выручало — то, что я мог есть всё.

— В каком смысле?

И.К. — Любую еду, любого качества. Я например с нежностью вспоминаю пюре из сушёного картофеля.

— Это нормальная еда.

И.К. — Вы так считаете?

— Он, может быть, гнилой был?

И.К. — А чёрт его знает, какой он был. Люди, у которых мало-маль-

ски было не в порядке с желудком, они его есть просто не могли и поэтому мне иногда удавалось свалисть в свою миску по 3-4 порции, которые я и съедал без особых последствий. Прекрасная была еда - гороховый суп. Я его называл гороховый чай. Потому что там три горошины было, а всё-таки запах гороха. Регулярно ходил в столовую и имел с собой бутылочку с подсолнечным маслом, в любое блюдо вливал ложку подсолнечного масла.

- Это вы можете связь с медицинскими познаниями?

И.К. - Да, нет, просто кушать хотелось. Так что в общем было голодно, но я вам скажу так. Я не могу сказать, что был блокадный голод. Нет. Но туговато было. Во всяком случае я помню, как на II л/п мы ходили к старикам. У нас была такая компания и мы ходили к старикам в инвалидных бараках, собирали у них огрызки, хлеб оставался, вот мешок этих огрызков возьмёшь и с холодным кипяточком очень хорошо. Я не помню сейчас... Вот помню, что бывало не заснуть, потому что жрать хочется, начинаешь по всяким там тумбочкам шарить, корочку хлеба ищешь. Так что конечно голодновато было.

- А вы ходили там без зубов или более менее ничего? Нет, меня это не в этом смысле интересует.

И.К. - У меня там развалились зубы. Там у меня действительно развалились зубы. Я ещё помню, как на Воркуте, когда мы приходили в столовую, стояла тарелка и там вот эти вот горошки, драже, витамиинки. А представьте себе...

- Что, помогало?

И.К. - Нет, ну там было вообще ничего, потому что посылки шли, но вот последние три года, 1961, 62... С конца шестьдесят первого, с середини, 62-ой, 63-й, 64-й, дальше я не знаю, потому что я вышел. В общем, при моём росте я весил 56 кг. Но сейчас я весшу 75.

— Неплохо.

Мне ещё очень понравилась ваша присказка про кусок сала. Когда это было сказано?

И.К. — Не помню, да несколько лет назад у финляндского вокзала, зашёл пообедать в столовую, если хотите, я вам ещё раз расскажу.

— Да нет, я запишу по памяти. Просто я подумала, что может быть это были какие-нибудь условия?

И.К. — Никаких.

— Поскольку я не посещаю столовых, то я не знаю, как это...

И.К. — Четыре мужика, которые друг друга вообще не знали, поскольку они все втроём это сало брезгливо вытаскивали, то у меня родилась такая идея, — по историческим этапам это сало распределить. Экспромт.

— Наверное, вы прошли эти этапы.

И.К. — Пока вы всё-таки несёте домой детям икру, до холодного варёного сала ещё не дошли. Там я действительно, это на всю жизнь, стал очень неразборчивым к еде. Люблю вкусно покушать, если удается, а могу засунуть в желудочно-кишечный тракт /неразб./

Значит, деревянные столы, они сверху обиты рубероидом, ну, толем,...

— И что?

И.К. — На них там лужи всякие, мухи, ну это антураж. Даётся похлёбка из рыбных костей, жидкая-жидкая, и там плавают. Знаете, сейчас есть рыба такая экзотическая, треска, вот эти вот спинные позвонки там плавают и три картошки. В общем-то, жидкость такая мутная. Тут же, не подходя к столу, подходишь к другому окошечку, где выдают второе, там прямо в этот суп забрасывают две или три ложки кукурузной каши. Когда всё это размешиваешь, то получается уже более менее густо, а значит, вкусно. Это к вопросу о тамошнем питании. Уже перед самым выходом были очень неприятные

разговоры. Откуда это до меня дошло, я сейчас не помню. Разговоры были такие, что рацион в Освенциме составлял тысячу восемьсот калорий, а по нашему рациону это было где-то две тысячи четыреста. У меня там был разговор с начальством. Я говорю: "Ну, глядите, что получается, тут две четыреста, там тысяча восемьсот, там тысячу, шестьсот вы всё равно украдёте, так получается то же самое. Мне за это обещали срок добавить.

- Я думаю, что в Освенциме тоже не больно и соблюдали.

И.К.- Да, тоже воровали наверняка. Но хотелось провести вот такое сопоставление.

- Но две четыреста вы явно не получали.

И.К. - Разумеется

- У нас есть девочка, которая очень этого вашего приятеля обожает.

И.К. - Вадима?

- Да. Охает и вздыхает. А я ей говорю, что у него лицо немножко странное.

И.К. - Почему-то в Воркуте у него было прозвище Огурец. У него такое сильно длинное лицо, тогда он ещё был тощий, нет, я его сразу вспомнил.

- Вы его только здесь, что ли, повидали?

И.К. - Нет, я его видел ~~месяца~~ три назад.

- Во время общественной деятельности?

И.К. - Во время общественной деятельности. Он сейчас видимо будет заместителем Щелканова...

12.08.1990

Кулябко Иван Борисович, врач

Интервью взяла Наталья Орлова, /ЛЕНИНГРАД, Конференция политзакл./